

Каждый раз, когда я слышу эту песню, я вспоминаю Петра. Петра Анатольевича Муравьева. Никто еще не спел эту песню так, как он...

Голос у него был чистый, высокий, с какой-то “серебряной сыроватенкой”, под который я, которая тогда пела достаточно хорошо, никак не могла подстроиться... Петру тоже нравилось, как я пою... Но и он не мог спеть со мной. В результате, мы стали слушать друг друга.

Однажды Петр поделился со мной творческими планами, сказал, что мечтает издать книгу, где будут собраны все его лучшие, на его взгляд, произведения, своего рода – “Избранное”. “Напишешь к такой книге предисловие?” – спросил он тогда.

Я выполнила свое обещание. Только слишком поздно. Через год я бросила горсть земли в его могилу...

* * *

В 1977 году я перешла из Западно-Сибирского книжного издательства, где работала литературным редактором, в журнал “Сибирские Огни”. В отделе прозы меня встретил очень

веселый, я бы даже сказала, какой-то радостный человек. Отрекомендовался почти по-военному, при этом, глаза его хитровато искрились: – “Редактор отдела прозы Петр Муравьев!” Мы были почти одного возраста, и сразу перешли на “ты”, разговорились, и уже на следующий день стали друзьями.

Мы проработали вместе, сидя напротив друг друга – стол в стол – больше десяти лет... Через полтора года меня назначили зав. отделом прозы. Но на наши отношения это не повлияло.

Работать с Муравьевым было очень интересно, легко, мы понимали друг друга с полуслова. Если возникал сложный разговор с автором, мы оба чувствовали, когда надо “подключиться” к разговору, а когда “создать условия” – выйти из кабинета. Так и говорили: “допустим, – Петя, создай условия”. Но иногда в нашей редакторской работе возникали некоторые сложности. Петр постоянно фонтанировал, звал авторов, особенно начинающих, на “костер литературы”, и, горячась, заводил иногда юную творческую личность в такие лабиринты, что потом приходилось вытаскивать их оттуда обоих. И редактора, и автора.

Но это было творчество! Все, что окружало Петра Муравьева, природа, предметы, люди – становилось объектом его неутомимого исследования, подвергалось подробнейшему, а подчас и безжалостному, ему одному ведомому, творческому анализу. Все находилось в движении, постоянно переплавлялось и выливалось в литературные формы... И, конечно, ему так же хотелось переплавить свое и чужие литературные опусы, особенно, если автор был еще на ученической стадии.

Его счастье, а где-то, и беда, были в том, что он видел мир обостренно, что, впрочем, и отличает настоящего художника от всех прочих... Да, он был заводным, горячим в своих суждениях, иногда резким в оценках, совершенно не выносил фальши, а фальшь он чувствовал. Он для многих был не очень удобным собеседником, оппонентом, редактором, но вот, что касается меня, то что-то, а равнодушным или безразличным я Петра никогда не видела, мало того, я всегда чувствовала какое-то бережное отношение к себе.

Как, впрочем, я никогда не видела его усталым, подавленным, на что-нибудь жалующимся. Хотя, жизнь у него была, прямо скажем, не из легких...

Муравьев Петр Анатольевич родился 26 октября 1940 г. в селе Кабаково, Алейского района Алтайского края.

Отец Муравьев Анатолий Яковлевич в июле 1941 года ушел на войну. Единственная открытка от него пришла в сентябре 1941 г.

«2 сентября 1941 г. Добрый день. Здравствуйте мое семейство. Посылаю я вам супруга Ефимия Федоровна свой горячий привет, еще посылаю своим дорогим деткам и всем родным и знакомым. Мы пока еще находимся в дороге. Затем досвидание, остаемся пока живы и здоровы, того и вам желаю быть здоровыми. Целую я вас

несколько раз. Муравьев Анатолий Яковлевич».

Открытка послана из Петрозаводска. Это все. В мае 28 числа 1945 г. из военкомата г. Алейска пришло извещение о гибели отца.

Уже работая корреспондентом газеты «Советский воин» в январе 1970 г. Петр Муравьев получил уточнение, что отец погиб в германском плену в концентрационном лагере 5-го сентября 1941 г. 2-го сентября он еще ехал, а 5-го уже погиб. Что произошло за эти три дня и три ночи?

У матери, Ефимии Федоровны, осталось на руках шестеро детей. Бедный колхоз, работа почти круглосуточно. Голод. В четырехлетнем возрасте Петя умирал от голода и чесотки. Спасла его соседка, унесла к себе, напоила куриным бульоном. За неделю подняла Петю на ноги. Бездетная, она просила его остаться жить с ней. Но упрямый мальчишка сказал: «Спасибо Вам, тетя, а жить я буду дома». Эти события описаны в повести «Калина ягода».

Жить стало легче, когда повзрослел старший брат Алексей, который заменил Пете отца. Для Пети он был авторитетом, что в работе, что в веселье, что в песнях. На войну брата не взяли, так как он покалечил ногу на работе. Стали работать в колхозе и сестры Анисья, Анна, Лида. Анисья так и не пошла учиться в школу, так и осталась безграмотной.

Мать всегда в поле, дома куча детей и Анисья на свои еще детские плечи взвалила все домашнее хозяйство. В семь лет Петя не пошел в первый класс, как все его однолетки – не было обуви. Но на следующий год, пропустив первый класс Петя уже читал, писал, так как усердно занимался со старшими братьями и сестрами. С 1948 г. по 1956 г. Петя учится в Кабаковской школе, а с 1956 г. по 1958 г. в Кашинской (?) средней школе. Летом работает в колхозе с братом Алексеем. И 9-го сентября 1957 г. семнадцатилетнего школьника награждают

медалью «За освоение целинных земель»

В августе 1958 г. Петр Муравьев поступает в Горно-Алтайский пединститут, на географический факультет. Но, проучившись 2,5 года, переходит в феврале 1961 г. работать в Кашинскую среднюю школу учителем географии, так как учиться очно не было финансовой возможности, а в октябре 1961 г. призывается в ряды Советской армии.

Отслужив по 21 августа 1964 г., уже 1 сентября этого же года Петр становится студентом 1-го курса факультета журналистики Уральского Государственного Университета им. М. Горького. Все четыре года учебы в университете он подрабатывает сторожем, кочегаром-машинистом.

Он всегда много работал. Когда мы встретились в редакции журнала, за его плечами был уже большой жизненный и творческий опыт.

С 1968 по 1972 –

Газета “Советская Сибирь” (литсотрудник).

Газета “Советский воин” (корреспондент. Дослужился до звания капитана).

Газета “Крылья Советов” (редактор газеты).

Работа в таких изданиях учит многому – мобильности мышления, ориентированности в жизненных и профессиональных проблемах, кропотливости, если можно так сказать, в литературной работе, оперативности в решении сиюминутных задач и еще многому, многому, многому... Но работа в газете очень мешает художнику, человеку, который работает над Словом. Газета, ведь, как мясорубка, перемалывает впечатления и не дает возможности их глубоко осмыслить. Может быть, поэтому Петр Муравьев, как литератор именно писательского мышления и, будучи по складу своего характера аналитиком, не смог долго работать в газетах. Хотя и оперативности, и интереса к окружающей “сиюминутной” жизни у него было предостаточно.

Жизненные обстоятельства или усталость от газетной гонки, или, может быть, новые творческие планы возвращают его в школу.

Он опять – учитель... И опять родная Кабаковская восьмилетка.

Он не мог оторваться от своей Малой Родины. Это было его жизненное убеждение. Он говорил: – “Нельзя никому и никогда отрывать, отделять свою малую родину от большой, как и свою личную судьбу от судьбы народной. Ибо в противном случае можно лишиться не только малой, но и большой родины...”

Эта глубинная привязанность и дала жизнь многим интереснейшим художественным произведениям Петра Муравьева.

Я помню, с каким жаром он рассказывал о своем литературном герое Тарбагане. Сидим напротив друг друга, а он мне проговаривает, показывает, сам и любит этого героя, и с горечью над ним смеется... Потому что видел перед собой живого человека. А мне казалось, что я вижу, слышу этого Тарбагана, знакома с ним в живую... Повести Муравьева с этим сквозным героем были восприняты неоднозначно и в литературных кругах, и на родине писателя. Вот как он сам вспоминал о том, что происходило в его родном селе.

“... Мне остается лишь дополнить, что прототипами книжного Некрасова и его обитателей послужило родное и любимое Кабаково и не менее родные и любимые кабаковцы. Правда, даже опосредованная, художественная, никому не в нос. Но меня лично не постигла участь моего героя Гриши Калинина. Мнения от земляков я слышал самые разные от восторженных до уничижительных: «Никогда тебе не прощу, что ты из дурака сделал человека». Речь велась, как нетрудно догадаться, об образе Гриши Калинина. Но то все были кулуарные, читательские суждения и оценки. А тут из уст ведущей прозвучало: «За неразрывную связь литературного творчества с жизнью и судьбой малой роди-

ны, в честь 240-летнего юбилея села Кабаково писателю-земляку Петру Анатольевичу Муравьеву присуждается звание «Почётный житель села Кабаково». (Постановление администрации Кабаковского сельсовета, Алейского района, Алтайского края № 12 от 12 июля 2004 г.)

Громкие, дружные, одобрительные аплодисменты удостоверяли решение сельского совета. От волнения мне стало вдвое жарче, я направился к своему месту в тени под тополями по коридору между залом и галеркой, у всех на виду, со свидетельством, кумачево полыхающим на солнце обложкой. Избыток внимания только женщины и артисты легко переносят, а тут еще Николай Бочкарев зачем-то поспешает наперерез... пересек, распахнул объятия, притиснул к себе: «Поздравляю. Рад за тебя. Молодец. Заслужил. Так и должно быть. Ну а коль почетный житель теперь, почаще приезжай», – чем и вызвал еще один всплеск рукоплесканий.

Своим порывом Николай как бы избавил меня от душевного мельтешения. Удовлетворение от произошедшего обрело вескость, устойчивость. Наверное, каждый пишущий стремиться равно как к читательскому, так и профессиональному признанию. Оценка твоего творчества читателями-земляками имеет особый смысл. Никто кроме них не в состоянии постигнуть всю глубину правды жизни, отображенную в художественном произведении...»

Ах, как здесь много всего! И известная русская зависть, и нежелание увидеть в ближнем личность... И, в то же время, великодушие, неумное, радостное...

А в это время литературная общественность тоже воспринимала муравьевского Тарбагана неоднозначно. Уж больно пронзительно был написан образ русского мужика... Кто-то не воспринял его, посчитав за полный вымысел, кому-то такой тип человека был неинтересен вообще, как и вся жизнь русской глубинки... А кто-то

Петр Анатольевич Муравьев

принял с восторгом. Я приведу мнение известного сибирского критика Владимира Шапошникова. Оно, по крайней мере, литературно профессионально.

«...И, наверное, оттого, что вся эта криминально-бордельная проза мне давно опостылела и обрыдла, я с интересом и удовольствием прочел книгу Петра Муравьева «Счастье без ума», где автор вполне и безо всякого для себя ущерба обошелся без многих обязательных для коммерческой литературы «слагаемых». Здесь передо мной предстала обычная наша российская жизнь – нескладная, неуклюжая, порой бестолковая, но такая знакомая и милая сердцу каждого, кто ею живет и давно с нею сросся...

Особенно наглядна и поучительна в этом плане заглавная повесть «Счастье без ума» (в книге кроме нее еще две повести). Автор рисует здесь панораму жизни глубинного алтайского села Некрасово и дает живописную галерею его обитателей... Но почти через все эпизоды повести... проходит фигура Григория Калинина, прозванного односельчанами Тарбаганом. И прозвище это каждый произносит по-своему: кто с почтением, кто – с насмешкой, а кто – злобству-

ет, шипя от гнева и ненависти. И такое равнодушие к себе отношение Гриша с полным правом заслужил. Потому что он неуемный, дотошный правдолюбец. И правдоискатель, не терпимый к малейшему проявлению беспечности, рвачества, глупости, беспутства...»

Петр Анатольевич Муравьев прожил свою недолгую жизнь почти по задаче Господа. Он родил не одного, а трех сыновей. Он посадил не одно дерево, а десятки, он построил Дом, в который будут заходить читатели будущих поколений. А они, безусловно, будут заходить... Потому что писатель жил честно, иногда слишком прямолинейно воспринимая изгибы людских судеб, да и свои пути-дороги... Был он женат трижды. От первого брака – два сына. Красивые, умные, самодостаточные парни. Первую жену его я не знала. Со второй была знакома. Более несовместимых людей – не видела. Она была красавицей, умницей из добротной еврейской семьи. Очевидно, семья считала, что он перспективный молодой человек. А на тот момент так оно и было. Работа в престижном журнале, выходили книги... А Пётр звал своих авторов на “костёр литературы”... Он был совсем из другого “ареала”.

Я очень хорошо помню, как он загорался от малейшего дуновения надежды на Добро, и как он стойко держался при жизненных крушениях. Вот его слова, под которыми я могу подписаться.

Поскольку так сложились наши отношения, я узнала о его будущей подруге первой. Петр тогда уже был свободен. И то ли советовался, то ли докладывал... Его стиль.

В общем, они прожили с Ией Арнольдовной 24 года.

Она и сыновей его приняла, а он её детей. Им было по 42 года. И любовь у них была. И она его похоронила.

“...Эти мысли меня умиротворяют. Я уже вместе со всеми аплодирую необоиденным вниманием нашим долгожителям: Анне Тимофеевне Марениновой и Аграфене Ильиничне Семянк, которым исполнилось по 95 лет. А жизнь-то у них была такой же, как у всех: в труде и нескончаемых заботах. Особенно у Аграфены Ильиничны. Пятерых дочерей вырастила, пятнадцать внуков, а те в свой черед порадовали ее двадцатью шестью правнуками и уже есть у нее один праправнук.

...Нынешний режим решил подачками разрешить проблемы демографии. Но потуги эти так и останутся потугами, пока всему народу не будет устроена и обеспечена нормальная, достойная жизнь. При наползающей нищете, культивируемой свободе нравов, сексуальной развращенности, подрывающих основы семьи, народонаселение не прирастет... Вот же, в народе, в крестьянстве, оплоте государства, чтут и славят за честь и верность тех, кто породил трудовые династии, кто отмечает золотые и серебряные свадьбы. Сексуально развращенным, увы, нет никакого дела ни до торжеств, ни до бед народных, у них на уме одно, гульба, нескончаемые сучьи свадьбы...

...я не для красного словца сделал акцент на том, что я кабаковец, что каковы кабаковцы, таков и я. Это посыл не требует доказательств. Для пользы дела, для счастья будущих поколений не мешало бы и кабаковцам в чем-то главном быть, как я, ибо тем, кто отчуждается от своего самосознания, достойной жизни никогда не познать...”

Это все цитаты от Петра Анатольевича Муравьева.